

Феминизм как маргинесс гендерного проекта постмодерна

Власова Т. И., Галицкая Ю. В., Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта имени академика В. Лазаряна

Феминистская позиция начала XXI в. убедительно демонстрирует актуализацию дискуссий между эмансипацией модерна и неолиберальной свободой постмодерна. Либеральный феминизм глубоко укоренен в модерне как рациональный проект эмансипации, в постмодерне освобождение человечества, в том числе эмансипация женщин, это «самолегитимный миф». Феминизм в «ситуации» постмодерна переживает сложные и неоднозначные процессы острых дебатов и внутренних конфликтов. С одной стороны, это спорные вопросы касательно феминизма модерна и его постмодернистской версии, с другой – назревающей в течение последних лет конфликт между феминизмом и гендерными исследованиями с их акцентуализацией «квир»-теорий и соответствующих дискурсов. Каким образом всё это влияет на теорию феминизма и гендера? Провозглашает ли трансгендерный век конец гендера в его традиционном значении? Ответы на эти вопросы по-разному представлены в теории феминизма и теории гендерных исследований. В целом, «сексуальное» дает возможность рассмотреть фундаментальные проблемы наших неопределенных ответов на вызовы дискурсов и дискурсивных практик в современном мире, однако по-прежнему валидным остается тот факт, что социокультурные роли мужчин и женщин не могут быть поняты без анализа соответствующих властных систем. Следовательно, если феминизм – это не отстаивание прав женщин, тогда феминистская теория явным образом дестабилизируется, превращаясь в метод. Мысль о том, что феминизм сегодня неуместен, пересекается с вопросами о том, стоит ли вообще заниматься гендерными категориями, если мы живём в культуре «гендерной текучести», где гендер становится необязательным и произвольным. Бесспорно, стремление свергнуть «тиранию нормального» очевидно и в теории, и в практике постмодернизма. Постмодернизм, отвергая не только биологический, но и психологический детерминизм, провозглашает «трансгендерный» век: гендер как идентификация с одним полом или субъектом – это фикция. Для феминисток последнее означает, что первая фаза (именно фаза) феминизма завершилась. Следующая фаза, развиваясь в контексте трансформирующихся гендерных отношений, может изменить не только природу гендерного режима, но и природу «позднего» капитализма (режимы труда, рабочего времени, борьба с насилием и т. д.). И хотя гендерные проекты динамично реконструируются в контексте трансформирующихся гендерных отношений в XXI веке, однако женщины по-прежнему занимают твердые позиции в феминистских проектах, более того именно феминистские проекты очень важны для изменения гендерного режима.

Ключевые слова: сексуальность; пол; индивидуация; нестабильность; идентификация; гендерная стратегия

Feminism as the marginal gender project of postmodernity

Vlasova T. I., Galytska I.V. Dnipropetrovsk National University of Railway Transport named after Academician V. Lazarian

Liberal feminism rooted in modernity, is closely connected with emancipationist political activity in which gender equality is a long-term goal guaranteed by democracy, at the same time that goal is considered to be a «self-legitimized myth». Feminism in “postmodern conditions” faces complicated and ambiguous processes of critical debates and sharp conflicts. On the one hand, it concerns acute arguments about the nature of the contemporary feminism, on the other,- the conflict between the theory of feminism and gender research, which lately has become evident. This mainly reflects disputes concerning sharp actualization of the relations between feminism and gender studies with obvious actualization of the “queer”-theories and corresponding discourses, which expands their impact on cultural and social discursive practices with visible appreciation by gender studies. It is necessary to stress, that “queer”-movements have never been simply movements for emancipation and civil rights. For feminism the latter means that the first phase (not “wave”) of feminism has been completed.

Opposition to feminism is not new. However, the claim that we are now in a post-feminism epoch is challenged. Feminism is effective in many countries of the contemporary world. The next phase will be developed in the context of the transformations of gender relations. At the same time, nowadays women`s interests as always occupy constant positions in the gender agenda. Moreover, feminist projects are very

important for the transformations of the gender regimes and forms. Feminism can change not only the nature of the gender regime but the nature of the “late capitalism” as well: labour regimes, labour time regulations, elimination of violence both in private and public spheres etc. All these factors concern capitalism and gender regimes simultaneously. If democratic processes enhance, the feminist projects will be able to influence both the form of capitalism and the form of gender regimes.

In this context such fundamental questions as whether the transgender epoch proclaims the end of gender in its traditional meaning and how all that influences the theories of feminism and gender should be answered. In the whole the «sexuality approach» provides an opportunity to consider the fundamental problems arising from our indefinite responses to the messages of the discourses and discourse practices in the world. However it is proved that the fact of the power component in the distribution of the gender roles is not less valid nowadays, and gender as a theory cannot be represented without an analysis of the corresponding power systems. Thus, if feminism is not the struggle for the equality of women, then it is a method for the scientific analysis. The idea of the non-importance of feminism now is crossed with the questions about the false importance of gender categories provided we live in the culture of the «liquid gender» where stable gender has become non-obligatory and arbitrary. It is also important that the intention to overthrow the «tyranny of the normal» is obvious both in the theory and practices of postmodernism.

Keywords: sexuality; sex; individuation; instability; identification; gender strategy

Фемінізм як маргінес гендерного проекту постмодерну

Власова Т. І., Галицька Ю. В., Дніпропетровський національний університет залізничного транспорту імені академіка В. Лазаряна

Феміністська позиція початку ХХІ ст. переконливо демонструє актуалізацію дискусій між емансипацією модерну й неоліберальною свободою постмодерну. Ліберальний фемінізм, глибоко вкорінений у модерні як раціональний проект емансипації, у постмодерні звільнення людства, зокрема емансипація жінок, це «самолегітимний міф». Фемінізм у «ситуації» постмодерну переживає складні й неоднозначні процеси гострих дебатів і внутрішніх конфліктів. З одного боку, це спірні питання стосовно фемінізму модерну та його постмодерністської версії, з іншого – наростаючий впродовж останніх років конфлікт між фемінізмом і гендерними дослідженнями з їх акцентуалізацією квір-теорій і відповідних дискурсів. Яким чином усе це впливає на теорію фемінізму й гендеру? Чи проголошує трансгендерне століття кінець гендеру в його традиційному значенні? Відповіді на ці запитання по-різному подані в теорії фемінізму й теорії гендерних досліджень. У цілому, «сексуальне» дає можливість розглянути фундаментальні проблеми наших невизначених відповідей на виклики дискурсів і дискурсивних практик у сучасному світі, проте як і раніше валідним залишається той факт, що соціокультурні ролі чоловіків і жінок не можуть бути зрозумілі без аналізу відповідних владних систем. Отже, якщо фемінізм – це не відстоювання прав жінок, тоді феміністська теорія відверто дестабілізується, перетворюючись на метод. Думка про те, що фемінізм сьогодні недоречний, перетинається з питаннями про те, чи варто взагалі займатися гендерними категоріями, якщо ми живемо в культурі «гендерної плинності», де гендер стає необов'язковим і довільним. Безперечно, прагнення повалити «тиранію нормального» очевидно і в теорії, і в практиці постмодернізму. Постмодернізм, відкидаючи не лише біологічний, але й психологічний детермінізм, проголошує «трансгендерне» століття: гендер як ідентифікація з однією статтю або суб'єктом – це фікція. Для феміністок останнє означає, що перша фаза (саме фаза) фемінізму завершилася. Наступна фаза, розвиваючись в контексті гендерних стосунків, що трансформуються, може змінити не лише природу гендерного режиму, але й природу «пізнього» капіталізму (режими праці, робочого часу, боротьба з насильством тощо). І хоча гендерні проекти динамічно реконструюються в контексті гендерних стосунків, що трансформуються в ХХІ ст., проте жінки як і раніше займають тверді позиції у феміністських проектах, крім того, саме феміністські проекти дуже важливі для зміни гендерного режиму.

Ключові слова: сексуальність; стаття; індивідуалізація; нестабільність; ідентифікація; гендерна стратегія

Постановка проблемы.

Политическая активность эмансипации любого рода зависит от модели линейного «целевого» времени, в котором исторические достижения одного поколения переходят к следующему. Это модернистская модель истории, в которой подразумевается, что отдельные акты «самоутверждения» приведут к реализации в будущем некоей идеализированной цели. Феминистская позиция в постмодерне убедительно демонстрирует актуализацию дискуссий между эмансипацией модерна и неолиберальной постмодерной «свободой». Как известно, либеральный феминизм глубоко укоренен в модерне как рациональный проект эмансипации, вдохновленный идеалами Французской буржуазной революции. В постмодерне освобождение человечества, в том числе эмансипация женщин, – это «самолегитимный» миф. Хотя наличие многочисленных научных концепций свидетельствует о реальности «ситуации постмодерна», постмодернизм, как указывается, не имеет парадигматического определения, являясь поэтому лишь завершением традиции модерна. С другой стороны, ученые описывают явления постмодерна как «эволюционный дрейф» от парадигматического социального порядка к постпарадигматическому. Как пишет У. Саймон, парадигматические контексты – это те, в которых реализуется высокая степень консенсусных значений, разделяемых значений, соединяемых друг с другом почти «бесшовно», поскольку они извлекаются из небольшого количества «господствующих парадигм» (“masterparadigms”), которым в свою очередь дана власть неким универсальным «конечным» источником правды. В постпарадигматических контекстах эта бесшовная интеграция начинает исчезать. Проявляясь во множественных формах, даже самые знакомые аспекты социальной жизни становятся площадками для конфликтующих или альтернативных возможностей выбора [12, с. 9].

Феминизм в «ситуации» постмодерна и «условиях» постмодернизма начала XXI в. переживает сложные и неоднозначные процессы острых дебатов и внутренних конфликтов. С одной стороны, это спорные вопросы касательно феминизма модерна и его постмодернистской версии, с другой – назревающий в течение последних лет конфликт между феминизмом и гендерными исследованиями с их акцентуализацией «квир»-теорий и соответствующих дискурсов и дискурсивных практик, которые с каждым

десятилетием расширяют свое присутствие и безусловное влияние в нарративах масс-медиа в частности и в культуре западных стран в целом. И здесь необходимо заметить: западные лесбийские, бисексуальные, трансгендерные, гей-движения и прочие «квир»-направления никогда не были – и, очевидно, не будут – просто движением за гражданские права.

Известно, что “grand”-нарративов больше нет, иконы мертвы, метафизика «завершилась» и, что для нас особенно интересно, «конец» гендера также вот-вот наступит. Времена для феминисток всегда были трудными, но в начале XXI в. тяжелые времена наступили и для теоретиков гендера. Пол и сексуальность перестали быть источником истины, как в старые времена модерна с его верой в науку – анатомию и физиологию в том числе. Распространение во всем мире клиник по изменению пола и, соответственно, гендерной идентичности доказывает, что пол стал намного более податлив к трансформации, чем можно было бы предположить ещё совсем недавно. С всё возрастающим количеством оплодотворений “in-vitro”, банков замороженной спермы и яйцеклеток репродуктивные процессы удивительным образом преобразились. Для того чтобы иметь своих биологических детей, не нужно более быть гетеросексуальной парой; всё, что нужно, – это заплатить за соответствующие медицинские услуги. «Дизайнерские» дети, дети «по заказу», пользуются большим спросом у многих людей – богатых, но лишенных возможности завести детей естественным способом; лесбийские пары имеют своих биологических детей, гей-пары также заводят детей с помощью суррогатных матерей и т.д., и т.п. Гендерные технологии развиваются стремительно: не только пол, но и гендер в целом претерпел радикальные изменения на наших глазах. Транссексуалы могут менять свой пол оперативным путем, могут применять гормоны, идентифицировать себя, выбирая одежду противоположного пола (“drag queens”), предпочитать соответствующий стиль и манеру поведения, в целом есть широкий спектр опций. Это далеко не все возможности, и термин «транссексуалы» имеет в данном случае весьма общее значение.

«Каким образом все это влияет на теорию феминизма и гендер?» – задает вопрос Т. Чантер [5]. Подтверждает или опровергает явная «текучесть» гендерных ролей постмодерные гендерные концепции? Возможно, постмодерн отверг слишком рано не только биологический, но и

психологический детерминизм? В целом провозглашает ли трансгендерный век конец гендера в том значении, которое мы вкладываем в это слово? Предшествует ли гендер полу, как утверждают некоторые теоретики? Есть ли, в конце концов, какая-то «нетелесная» реальность в гендере, которую нельзя редуцировать ни к анатомии, ни к социокультурным или политическим нормам?

Анализ исследований и публикаций.

Известно, что постмодерн описывался множеством ученых в разных академических дисциплинах и в различных научных направлениях. Одно из самых известных определений постмодерна принадлежит, на наш взгляд, Ж. Бодрийяру, который пишет, что это характеристика вселенной, где более невозможны дефиниции: «Именно игра дефиниций имеет значение... Все уже сделано. Экстремальный предел возможностей достигнут. Произошло саморазрушение. Произошла деконструкция всей вселенной. Все, что осталось, – разрозненные части. Все, что осталось делать, – играть с этими отдельными частями. Игра с частями целого – это и есть постмодерн [11, с. 116]. Для Э. Гидденса поздний постмодерн – это время, когда мы становимся все более отрезаны от локальных социальных отношений и все менее «внедрены», это период возрастающего «риска» для всех членов общества главным образом потому, что все старые истины перестали ими быть; это время растущей саморефлексии, когда само знание, производимое в мире, помогает придать форму появлению такого мира [9]. Для других ученых – это «время знака». Время, когда медиа-образы, виды и способы информации, «режимы сигнификации» и «эстетизация» ежедневной жизни стали главной чертой современного опыта; период фрагментарности, деструктуризации, деунификации, децентрализации. И все эти «де...» неизбежно повлияли на пол (sex) и сексуальность (sexuality). Пол и сексуальность дестабилизировались, децентрализировались, лишились эссенциальности. Пол (sex) перестал быть эссенциальным унитарным центром, расположенным в границах четких рамок. Однако постмодернисты утверждают, что они рассматривают постмодернизм не в качестве новой интеллектуальной перспективы, но скорее как ответ на те драматические изменения в характере социальной жизни и человеческого опыта, которые они вызвали [12, с. 1].

Термин постмодерн, обозначая непрозрачный и противоречивый концепт («модерн» – это

всегда уже «постмодерн»), используется в последние десятилетия чрезвычайно широко не только в философии, но и в истории, литературной критике, архитектуре, живописи, скульптуре и т.д., что свидетельствует об активном вторжении философии во все гуманитарные области знания и позволяет ученым говорить о поэтике постмодернизма.

Также важно, что постмодернизм – это нечто большее, чем понятийная система, направленная на анализ идеологий и формируемая ею эстетическая система. Постмодернизм, в сущности, есть философия, пытающаяся охватить своим анализом очень широкий спектр проблем, определяющих суть нашей эпохи.

Интересно, что как ученые, так и авторы художественных произведений указывают на тот факт, что большинство транссексуалов идентифицируют себя с противоположным полом с достаточно раннего возраста, то есть если трансгендерный индивид знает, какой его / её истинный гендер независимо от тела, гендерного воспитания и воздействия социокультурных стереотипов, означает ли это, что есть ещё какой-то важный фактор, объясняющий фемининность или маскулинность, но который нельзя редуцировать к тем сферам, которые называются пол и гендер? Стоит вспомнить в этой связи, что, утверждая идеи неподлинности мира, Ж. Бодрийяр пишет, что человеческое общество живет в мире видимостей (“appearances”), опираясь на иллюзию реальности и истин [1], что, кстати, также является сегодня весьма модной темой в художественной литературе и кинематографе.

Во введении к «Журналу гермафродита» М. Фуко предполагает, что генеалогическая критика категорий пола – следствие сексуальных практик, которые не могут быть объяснены дискурсом натурализованной гетеросексуальности. Гермафродит Эркюль – не «идентичность», но сексуальная невозможность идентичности. Хотя мужские и женские анатомические черты совместно распределены в его теле, они не являются настоящим источником «скандала». Лингвистические условности, которые производят интеллигибельные гендерные «Я», находят ограничение в Эркюле именно потому, что она / он дезорганизует правила, управляющие полом, гендером, желанием. Эркюль использует и перераспределяет условия бинарной системы, но само это перераспределение распространяет эти условия за пределами бинарности. По М. Фуко, Эркюль не поддается категоризации внутри ген-

дерной бинарной системы. Его гетеросексуальность и гомосексуальность не вызваны его / её анатомической прерывностью.

М. Фуко имплицитно показывает, что сексуальная гетерогенность подразумевает критику метафизики субстанции [8].

Там, где изменения и усложненность на широком социальном уровне, сопровождаемые индивидуацией и неопределенностью на индивидуальном уровне, создают сомнения и растущую неуверенность, там начинают находить своё выражение другие латентные источники индивидуального многообразия. Один из таких источников – это, например, расширяющееся разнообразие, уходящее корнями в генетическую вариабильность, что может стать важным фактором, поскольку в данное время индивиды слабее детерминированы окружающей социокультурной обстановкой, регулирующей их поведение. Что касается классических примеров (по З. Фрейду), бесспорно, это определенная идиосинкротия, некие маргинальные события, повлиявшие на индивида, вызвавшие его / её жизненные травмы [6].

Исследователи отмечают, что традиционное социальное окружение требует лояльности как основы в подчинении правилам или приспособлении к ним: в нашем контексте патриархат – яркий тому пример. В современном социуме повторяющаяся «неправильность», нарушения нормы, которые трудно объяснить, вызывают всё больше и больше вопросов. Первоначальная задача социальных наук заключалась в некоей нормализации, заключении подобных отклонений в рамки концептуальных границ «нормального». Эта задача становилась всё более сложной с усилением тенденции в современном мире к росту гетерогенности в производстве согласованности и подчинения. Последнее полностью относится и к производству сексуальной девиантности.

В целом «сексуальное» дает возможность рассмотреть фундаментальные проблемы наших неопределенных ответов на вызовы дискурсов и дискурсивных практик в современном мире. Ученые подчеркивают: мы можем придать смысл нашей сексуальности только в рамках «большого проекта» понимания того, что значит быть человеком. Переосмысливая идеи и модели Фрейда, постмодернисты показывают, как сексуальность становится для нас не «объединяющей нитью» в канве нашего жизненного опыта, а ультимативным постмодернистским дискурсом, отраженным в соответствующих наррати-

вах и историях (М. Фуко, У. Саймон, Э. Лауман, М. Левин, Р. Столлер, Л. Триллингер и др.). Гендер, пользуясь словами Дж. Батлер, – это «неопределенная переменная», характеристики которой уточняются временем, пространством, культурным контекстом и т.п.

Цель.

Исследовать взаимосвязь феминистских и гендерных проектов, те точки бифуркации, которые изменили постсовременные отношения между феминизмом и теорией гендера.

Изложение основного материала.

Гендер – это и качество, и поведенческая идентичность личности, это и базовая идентичность, это и аналитическая категория, введение которой, по словам Р. Хоф, предвещало возможность деконструкции поставленной под вопрос оппозиции между женщинами и мужчинами и одновременно серьезное отношение к этой оппозиции как к механизму иерархизации в социальной, политической и культурной реальности [3]. Р. Хоф, на наш взгляд, совершенно справедливо подчеркивает, что при разграничении между женскими (т. е. феминистскими) и гендерными исследованиями речь идет не о точном разграничении, а скорее о перестановке акцента, когда многие работы, по сути направленные на сугубо феминистские цели, были включены в конце XX в. в более широкий контекст тех трансформаций, которые происходили в это время в западном обществе. Попытка утвердить, по словам Р. Хоф, гендер как основополагающую научную категорию имела четкие обоснования: в целях отказа от причинно-следственной связи между женским и мужским телом и теми ролями, которые воспринимаются как естественные; в целях установления связи между структурой отношений полов и другими культуральными контекстами; в целях утверждения того факта, что социокультурные роли, которые играют мужчины и женщины, не могут быть поняты без анализа соответствующих властных систем; как следствие убеждения, что процессы, ведущие к различным ролям, должны быть также проанализированы [3, с. 50].

Отсюда вытекает несколько следствий. Если феминизм – это не отстаивание прав женщин, в том числе в качестве мыслящих субъектов, не попытка утвердить особенности «женского стиля» в коммуникации, творчестве, отношениях с миром, тогда феминистская теория явным образом «десубстантивизируется», превращаясь в метод. Тогда она превращается в серию вопро-

сов, в умение определенным образом поставить проблему, в умение увидеть эту проблему там, где взгляд нефеминистский эту проблему, как правило, не фиксирует.

В целом, именно феминистская критика выдвинула свою социально-конструктивистскую интерпретацию гендера и гендерных отношений (Р. Коннел, И. Гофман, Дж. Ламбер, Р. Хоф, К. Уэст и др.), то есть, следуя утверждению многих ученых, феминистский гендерный подход сформировался как критика представителей классической социологии о природе отношений между полами. В его рамках статус пола перестает быть аскриптивным, и гендерные отношения рассматриваются как социально организованные отношения власти и неравенства.[13]

Таким образом, как подчеркивают ученые, понятие «гендер» многозначно и многолико, оно не является монолитной сущностью, но состоит из многих компонентов (М. Киммел, Е. Здравомыслова, А. Темкина, Н. Ксенофонтова и др.).

Мысль о том, что феминизм сегодня если не нужен, то по крайней мере неуместен, пересекается с утверждением о том, что и у гендера – большие проблемы (“gender trouble”). Вопрос с точки зрения теории заключается в том, усиливает ли феминистский анализ посредством своих категорий анализ гендерных концептов, которые зачастую полагаются неуместными в концептах «постгендера». Многие молодые люди – и мужчины, и женщины – больше не верят не только в феминизм, но и в гендер, тем более не видят необходимым теоретизировать по поводу их низвержения. Поскольку мы живем в культуре гендерной «текучести», стоит ли вообще заниматься гендерными категориями? П. Дейчер, например, полагает, что гораздо уместнее подвергать анализу нестабильность гендерных категорий. Если понятие гендера, видоизменяясь, может быть столь неопределенным, то и гендер в целом становится необязательным, произвольным и «фиктивным» в самом прямом смысле этого слова [7, с. 13]. По М. Фуко, контроль над любыми проявлениями пола возможен лишь при помощи дискурсивных практик – способов интерпретации тех или иных проблем, приписывания им общественной значимости. Социальные институты западноевропейского общества – школа, церковь, право, медицина, искусство и т. д. – постоянно воспроизводят «истину» о сущности пола, следствием чего, утверждает М. Фуко, является фиксация всех проявлений пола и приписывания им нормативности; пол

сам по себе «закрыт», так как представление о поле мы имеем лишь благодаря гендеру и влечению. Теоретики гендера задают сложные вопросы, например: если гендер пола всегда заранее определен, если личность человека соотнесена непосредственно с гендером, тогда в чем смысл рассмотрения категории субъекта, обладающего онтологическим статусом ещё до гендерного определения? Если понимать гендерное становление (“doing gender”) как некую деятельность или проявление воли, тогда возникает другая проблема: каков смысл «приобретения» гендера в мире, где гендерные взаимоотношения строго определены и глубоко закреплены? Дж. Батлер в своем классическом «Гендерном беспокойстве» доказывает, что пол так же конструируется, как и гендер, что гендер предшествует полу и он всегда перформативен. Гендерная идентичность, по мнению Дж. Батлер, утверждается посредством стабилизирующих концепций пола, гендера и сексуальности. Культурная матрица, посредством которой идентичность становится интеллигибельной, требует, чтобы определенные виды идентичности не существовали, а именно те, в которых гендер не вытекает из пола, то есть те, в которых практики желания не следуют из пола и гендера [4, с. 23-24].

Гендер как идентификация с одним полом или одним субъектом – это фикция, утверждает Дж. Батлер; гендер – это набор интернационализированных образов, а не набор качеств, это набор знаков, наложенных на чувство идентичности; то есть Дж. Батлер доказывает, что гендер – это не первичная категория, но атрибут, набор вторичных нарративных следствий. Важно понять, подчеркивает исследовательница, что гендер – это воплощение уже существующих культурных возможностей. Дж. Батлер признает, однако, что пересмотр принятого понимания гендера посредством смещения традиционных атрибутов влечет за собой терминологическую путаницу; значения маскулинности и фемининности становятся изменчивыми, взаимозаменяемыми, неопределенными [4, с. 293-303]. Гендер становится «исключительным новообразованием», «постоянной активностью», в то время как тело обозначает любое количество культурных возможностей. Таким образом, Дж. Батлер приходит к выводу, что нет необходимой связи между телом и гендером. Если пол – это «анатомические признаки бинарного отличия между человеческими телами», а гендер – «культурное значение, которое обретает пол», тогда гендер

действительно не зависит от пола. Биологическая действительность, которую называют полом, есть исторический, социальный, культурный конструкт и является политической категорией; что касается гендера – это постоянно создаваемое свойство ситуационного взаимодействия, а не роль или признак. И здесь необходимо заметить: гендерные «свойства» различаются в разных культурах, но вместе с тем под поверхностью различий можно обнаружить интригующее сходство культур, совершенно отличных друг от друга в прочих отношениях. Авторы многих исследований под впечатлением частоты повторяющихся гендерных «свойств» пришли к выводу, что культуры в целом скорее сходны в этом отношении, чем различны. В частности, пишет Д. Гилмор, это постоянно повторяющиеся представления о том, что истинная маскулинность отлична от простой анатомической принадлежности к полу, она не есть естественное условие, существующее по мере физиологического созревания, а скорее неустойчивое состояние, которое юноши должны достичь, преодолевая силы противодействия. Повторяющаяся мысль о том, что возмужание представляет собой критический рубеж, обнаруживается на всех уровнях социокультурного развития вне зависимости от остальных социально признаваемых ролевых позиций или стереотипов. Интересно, что этот повторяющийся мотив составляет противоположность в представлениях о фемининности. Хотя женщин в любом обществе оценивают по жестким гендерным стандартам, замечает Гилмор, редко образ и статус женщины подвергаются оценке как целое [2, с.19].

Безусловно, «женственность» тоже достигается в проблемном поле социального и культурного одобрения, однако оценивается она по-другому. Фемининность предполагает сексуальную соблазнительность, украшения тела и т.д., то есть внешние по сути характеристики, которые скорее подчеркивают, чем создают неотъемлемые атрибуты пола, и женственность чаще представляется как биологическое качество, которое подчеркивается и усиливается с помощью средств культуры.

Постсовременные отношения между полом, гендером и властью, провозглашенные философами постмодерна, сразу же указали исследователям на то, что категории бытия, которые определяли человеческую природу еще сто лет назад, сегодня потеряли свою адекватность в определении гендерной идентичности. Замечание

К. Хорни, сделанное более полувека тому назад, что не существует такая вещь, как «нормальная» психология, которая была бы применена ко всем людям, сегодня цитируется всё чаще и чаще. В действительности в «стержне» сексуальности мало «нормального», «нормальное» – это просто атрибут, который дается тем версиям секса, которые мы хотим одобрить и утвердить во имя социального порядка и стабильности [10, с.74].

В конце XX в. возросшая проблематизация сексуального значительно расширилась за счет проблематизации гендера; в своей тесной взаимосвязи и первое, и второе были использованы для усиления натурализации друг друга; однако одним из главных источников проблематизации гендера остается непоследовательная трансформация применения гендерных «правил» ко всем социальным ролям. В целом гендерная идентификация претерпевает значительные изменения в период перехода к постсовременному обществу. Ученые-постмодернисты утверждают: ещё вчера неоспоримый биологический факт существования мужского и женского движется в постмодерном обществе к мифологии. Например, стереотипный образ «настоящей женщины» в начале XXI в. уже утратил свою общезначимость. На первый план выходит «проект» тела, в котором человеческая ценность женщины измеряется её размерами и формами. Следует заметить, что, если по Бодрийяру, в постмодернистском обществе «соблазн знака» трансформирует «тело» в идол, в результате чего тело, переработанное «структурой извращения» в фаллический идол, одновременно становится идеологической моделью социализации и самореализации, то феминистская теория утверждает, что женское тело подчинено мужскому, поэтому более подвержено медикализации, анорексии и т.п. Однако радикальные феминистки подчеркивают: женское тело имеет несомненные преимущества по сравнению с телом мужским. В данном контексте нельзя не вспомнить «тело без органов» Ж. Делеза и Ф. Гваттари, которые утверждают, что тело, страдая от того, что оно «организовано», становится открытым для самоорганизации и самоконфигурации. Если раньше параметры тела задавались физиологически от рождения индивида, то в культуру постмодерна пришло «текучее» тело, формируемое шейпингом, бодибилдингом, силиконопластиками, липосакцией, операциями по смене пола, изменению цвета кожи т.д. [6]. В

этой связи необходимо заметить: изменения, подвергающие эрозии то, что ещё вчера казалось бесспорным в сексуальности индивида, – это не просто изменения в мышлении человека, но отражение изменений в качествах и дистрибуциях сексуального опыта текущего момента. Утверждается мысль о том, что противопоставление полов не должно быть законом природы. Следовательно, конфронтации и парадигмы должны постепенно исчезнуть, значения будут проявлять тенденции к увеличению, пол не будет поддаваться типологии, будут только «гомосексуальности», множественное число которых будет ставить в тупик любой конституированный центрированный дискурс (Р. Барт).

Возвращаясь к «Анти-Эдипу» Делеза и Гваттари, хотелось бы вспомнить о том, что в своем предисловии к этой книге М. Фуко пишет: «Анти-Эдип» дает бой трем противникам – разным по своей силе и по степени опасности. Первый враг – политические аскеты, печальные бойцы, террористы теории, которые всегда будут хранить в чистоте порядок политики и политического дискурса; бюрократы революции и гражданские слуги «Истины». Второй противник – бедные «технические работники желания» – психоаналитики и семиологи каждого знака и симптома, те, кто будут всегда подчинять множественность желания дуализму, закону структуры или отсутствия её. И третий, главный враг, основной стратегический противник – это фашизм. Не только «исторический» фашизм – Гитлер или Муссолини, но фашизм внутри нас, в наших головах и в нашем ежедневном поведении; фашизм, который заставляет нас любить власть, желать именно то, что, доминируя, эксплуатирует нас [6, с. 31].

Бесспорно, стремление свергнуть «тиранию нормального» очевидно и в теории, и в практике постмодернизма. С усилением постмодернизации социальной жизни плюрализация опыта и тех способов, в которые определенные индивиды инкорпорируют свой опыт, будет еще более очевидна. Постмодернистский «отказ» от истории в ее классическом смысле предполагает возможность термина «история настоящего», который говорит о том, что изменения настоящего неизбежно вовлекают соответствующие изменения прошлого. Говорить сегодня о том, что именно сексуальность является валидной репрезентацией образа текучего плюрализованного мира, достаточно проблематично. В плюрализи-

рованном контексте существует множество доступных вариантов социальной жизни. Однако несомненно то, что сексуальное поведение занимает значительную часть обширной картины нашей жизни.

Важно также то, что теоретизирование постмодернистского дискурса «Другого» в целом, и феминистского дискурса «Другого», разработанного С. де Бовуар, сыграло огромную роль в постмодернизации пола, гендера и сексуальности. Стоит вспомнить, что именно С. де Бовуар во «Втором поле» (1949 г.) сделала свое знаменитое заявление о том, что женщина – это «Другой» и потому не имеет ценности, в то время как мужчина – субъект, абсолют, составляющий сущность и обладающий несомненной ценностью. Представляется уместным вспомнить также высказывание М. Фуко о том, что в жизни есть времена, когда вопрос знания того, может ли кто-то думать иначе, чем я, и постигать иначе, чем другие, является абсолютно необходимым для человека, который, наблюдая и размышляя, стремится идти вперед.

Выводы.

Хотя постмодернисты – и ученые, и «практики» – доказывают, что гендер оправдывает и определяет сегодня очень неоднозначные еще вчера предложения и цели, для феминисток в целом последнее означает, что первая фаза (не «волна», но фаза) феминизма завершилась.

Сексуальность, выпущенная на свободу, – это мужская сексуальность, утверждают ученые-феминисты в XXI веке. При этом западная культура сегодня значительно более маскулинна, чем она была ещё четверть века тому назад. Если женщины стремятся жить как ответственные взрослые люди с чувством достоинства, мужчины все чаще находят уход в экстравагантные мужские фантазии желательной и зачастую необходимой практики. В ситуации последних десяти-пятнадцати лет просто поддержка ортодоксальных сексуальных обязательств рассматривается как политически некорректные действия. Мы достигли точки, когда представляется уже невозможным давать открытый отпор «квир»-теориям и гей-культурам. Как пишут ученые-феминисты, «старые враги», всё ещё непобеждённые, изобрели новые тактики в своих стратегиях, следовательно, у нас нет иного выбора, кроме борьбы за основополагающие принципы феминизма.

И всё же хотя гендерные проекты динамично конструируются и реконструируются в контек-

сте трансформирующихся гендерных отношений, в XXI веке интересы женщин по-прежнему занимают твердые позиции в гендерной повестке, более того, феминистские проекты очень важны для изменения формы гендерного режима. Феминизм, в принципе, может изменить не только природу гендерного режима, но и «природу позднего» капитализма: режимы труда, регулирование рабочего времени, углубление

демократии, усиление борьбы с насилием как в публичной, так и в частной сферах. Каждый из этих факторов затрагивает одновременно и капитализм, и гендерный режим. Если демократические процессы в усилении гражданского общества будут действительно иметь место, тогда феминистские проекты смогут влиять реально и на форму капитализма, и на форму гендерного режима.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. – 98 с.
2. Гилмор Д. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности / Д. Гилмор. – Москва : РОССПЭН, 2005. – 264 p.
3. Хоф Р. Возникновение и развитие гендерных исследований / Р. Хоф // Пол. Гендер. Культура. – Москва : РГГУ, 2009. – С. 31-60.
4. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity / J. Butler. – New York, London: Routledge, 1999. – 221 p.
5. Chanter T. Gender. Key Concepts in Philosophy / T. Chanter. – New York: Continuum, 2006. – 176 p.
6. Deleuze G. Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia / G. Deleuze, F. Guattary. – University of Minnesota Press, 2000. – 414 p.
7. Deutscher P. Giending Gender / P. Deutscher. – London and New York: Routledge, 2004. – 224 p.
8. Foucault M. Herculine. Barbin. Being the Recently Discovered Memoirs of a Nineteenth-Century Hermaphrodite / M. Foucault. – New York: Colophon, 1980.
9. Giddens A. The Consequences of Modernity / A. Giddens. – Stanford University Press, 1990. – 188 p.
10. Halberstam I. Gaga Feminism. Sex, Gender and the End of Normal / I. Halberstam. – Boston: Beacon Press, 2013. – 157 p.
11. Kellner D. Learn Baudrillard: From Marxism to Postmodernism and beyond / D. Kellner. – Stanford University Press, 1990. – 246 p.
12. Simon W. Postmodern Sexualities / W. Simon. – London and New York: Routledge, 1996. – 179 p.
13. Walby S. The Future of Feminism. Cambridge : Polity, 2012. 210 p.

REFERENCES

1. Bodriiia, Zh. (2000). *V teni molchalivogo bolshinstva, ili Konets sotcialnogo* [In the Shadow of the Silent Majorities or the End of the Social]. Izd-vo Uralskogo un-ta, Ekaterinburg [in Russian].
2. Gilmor, D. (2005). *Stanovlenie muzhestvennosti: kulturnye kontsepty maskulinnosti* [Manhood in the Making: Cultural Concepts of Masculinity]. Moscow: ROSSPEN [in Russian].
3. Khof, R. (2009). *Vozniknovenie i razvitie gendernykh issledovanii* [Origin and Development of Gender Researches]. Pol. Gender. Kultura. Moscow: RGGU [in Russian].
4. Butler, J. (1999). *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York, London: Routledge.
5. Chanter, T. (2006). *Gender. Key Concepts in Philosophy*. New York: Continuum.
6. Deleuze, G., & Guattary, F. (2000). *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*. University of Minnesota Press.
7. Deutscher, P. (2004). *Giending Gender*. New York, London: Routledge.
8. Foucault, M. (1980). *Herculine. Barbin. Being the Recently Discovered Memoirs of a Nineteenth-Century Hermaphrodite*. New York: Colophon.
9. Giddens, A. (1990). *The Consequences of Modernity*. Stanford University Press.
10. Halberstam, I. (2013). *Gaga Feminism. Sex, Gender and the End of Normal*. Boston: Beacon Press.
11. Kellner, D. (1990). *Learn Baudrillard: From Marxism to Postmodernism and Beyond*. Stanford University Press.

12. Simon, W. (1996). *Postmodern Sexualities*. New York, London: Routledge.
13. Walby, S. (2012). *The Future of Feminism*. Cambridge: Polity.

Власова Татьяна Ивановна

Доктор философских наук, профессор
Днепропетровский национальный университет железнодорожного
транспорта имени академика В. Лазаряна
49010, г. Днепр, ул. Лазаряна, 2

Vlasova Tetiana

Doctor of Philosophic Sciences, Professor
Dnipropetrovsk National University of Railway Transport named after
Academician V. Lazaryan
2, Lazaryana str., Lazaryana, Dnipro, 49010, Ukraine

Email: vasovat2@gmail.com ORCID: 0000-0001-5040-5733

Галицкая Юлия Владимировна

Аспирантка
Днепропетровский национальный университет железнодорожного
транспорта имени академика В. Лазаряна
49010, г. Днепр, ул. Лазаряна, 2

Galytska Iuliia

Postgraduate student
Dnipropetrovsk National University of Railway Transport named after
Academician V. Lazaryan
2, Lazaryana str., Lazaryana, Dnipro, 49010, Ukraine

Email: firstwriter2013@gmail.com ORCID: 0000-0001-5364-9717

Цитирование: Власова Т. И. Феминизм как маргинесс гендерного проекта постмодерна / Т. И. Власова, Ю. В. Галицкая // Науково-теоретичний альманах «Грані». – 2018. – Т. 21, № 12. – С. 16-25.

Citation: Vlasova, T.I., & Galytska I.V. (2018). Feminizm kak marginess gendernogo proekta postmoderna [Feminism as the marginal gender project of postmodernity]. *Scientific and theoretical almanac «Grani»*, 21(12), 16-25.

Стаття надійшла / Article arrived: 02.11.2018

Схвалено до друку / Accepted: 05.12.2018